

ТУШИНСКІЙ ВОРЪ.

СОСТ. Г. В. ЕСНОВЫМЪ.

ИЗДАНИЕ А. МАРТЫНОВА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.
1863.

ТУШИНСКІЙ ВОРЪ.

(СЪ ВИДОМЪ ЦЕРКВИ СЕЛА СПАССКАГО.)

СОСТ. Г. В. ЕСНОВЫМЪ.

ДЕВЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

РУССКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ,

ИЗДАНИЕ А. МАРТЫНОВА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.
1863.

Допущено Ценсурой. Москва, 10-го Сентября, 1863 года.

ВИДЪ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ СПАСКОМЪ.

ТУШИНСКІЙ ВОРЪ. (*)

I.

По большой дорогѣ отъ Москвы въ города заштатный Воскресенскъ и уѣздный Волоколамскъ, въ 15 верстахъ отъ столицы, на низменномъ мѣстѣ, близъ Москвы рѣки, въ два ряда изъбъ излучисто тянется селеніе Тушино до самой рѣки Востодни.

Въ 1382 году оно принадлежало знатному Кіевскому вельможѣ Родіону Нестеровичу Квашнѣ, который снасъ жизнь великому князю Іоанну Даниловичу въ битвѣ съ Тверитянами подъ Переславлемъ и за это получилъ «*въ область кругъ рѣки Востодни на 15 верстахъ.*» Въ 1536 году село это перешло во владѣніе храбраго воеводы *Тушина*, отъ котораго, вѣроятно, и получило свое прозваніе. По кончинѣ воеводы Тушина, оно досталось по наследству дочери его княгинѣ Телятевской. Она, по постриженіи въ 1570 г. въ монахини, отказала въ духовной *свою отчину* Преображенскому монастырю на поминъ усопшихъ отца своего и брата Тушинныхъ.

(*) Оковчаніе этой статьи помѣщается въ десятомъ выпускѣ,

Отъ Тушина, на протяженіи почти двухъ верстѣ, лежитъ отлогая возвышенность, называемая *старою горою*. Она съ лѣвой стороны отъ большой дороги образуетъ высокій берегъ надъ Москвою рѣкою, съ котораго, представляются взору живописныя окрестности. Здѣсь на этомъ обрывистомъ берегѣ, существовалъ Спасо-Преображенскій монастырь, состоявшій въ зависимости отъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры. Время учрежденія этого монастыря неизвѣстно. Въ выпискѣ изъ лѣтописей княженія Василя Дмитриевича, подъ 1390 годомъ упомянуто такъ: *«весною, въ великій постъ, умеръ Иванъ Родіоновичъ (сынъ Кіевскаго вельможи Квашни), названный въ монашество Игнатіемъ и погребенъ въ монастырь на Востокѣ.»* Слѣдовательно эта древняя обитель существовала еще до 1390 года и подверглась разоренію въ смутныя времена Тушинскаго вора. Изъ монастырскихъ зданій оставались въ первой половинѣ XVII вѣка только двѣ разграбленныя церкви; вотъ что находимъ мы объ немъ въ писцовыхъ книгахъ 7131 (1623) и 7132 (1624) годовъ: *«Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчина село, что былъ монастырь Востокѣ, на рѣкѣ на Москвѣ, а въ немъ церковь Преображенія Господня съ трапезою каменною, раззоренъ, да другая церковь Андрея Стратилата каменная шатромъ вверхъ».* Мѣстное преданіе, кажется, не безошибочно сохранило извѣстіе, что когда-то Преображенская церковь была близка къ разрушенію и бывший въ ней престолъ замѣнилъ мѣсто престола Андрея Стратилата. Самая же церковь подверглась разрушенію, такъ что не осталось и слѣдовъ ея существованія. Въ настоящее время отъ всего монастыря видны только кой-гдѣ щебенъ и мусоръ, мѣстами подъ

землю встрѣчается кирпичный фундаментъ. Вся мѣстность, на которой расположенъ былъ монастырь, совершенно измѣнилась; она была ровная, а теперь съ юго-восточной и юго-западной сторонъ вѣшнія воды прорыли два глубокіе оврага до уровня Москвы-рѣки и церковь, которую мы представляемъ въ рисунокѣ, стоитъ на обрывистомъ треугольникѣ, заключающемъ въ себѣ не болѣе 300 квадратныхъ сажень. Обрывъ къ Москвѣ рѣкѣ у самой церкви, грозитъ опасностію храму Божію, земля съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе осыпается и если не обратятъ со временемъ на это вниманія, то церковь рухнетъ въ Москву рѣку.

Съ уничтоженіемъ монастыря и гораздо послѣ, церковь Преображенская сдѣлалась приходскою, и тогда устроили при ней деревянную трапезу съ придѣломъ Преподобнаго Сергія, въ память бывшей зависимости монастыря отъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры. Близъ церкви расположено селеніе *Спаское*. До начала настоящаго столѣтія церковныя колокола висѣли надъ алтаремъ на звонницѣ, подъ аркою, на кирпичныхъ столбахъ и звонили съ земли. Въ 1804 году, вмѣсто деревянной трапезы, устроена каменная и въ то же время, по возведеніи колокольни, нынѣ существующей, столбы и арка надъ алтаремъ разобраны, старые колокола перелиты. Въ 1849 году стараніемъ бывшаго священника этой церкви Алексѣя Касаткина и усердіемъ прихожанъ, распространена трапеза и устроенъ придѣлъ. При церкви не сохранилось ни древнихъ утварей, ни книгъ; замѣчательнъ по древности образъ Рождества Богородицы. На погостѣ монастырскомъ, какъ видно, были надгробные камни; два изъ нихъ, вырытые нешзвѣстно кѣмъ и когда, лежатъ при входѣ

въ храмъ съ сѣверной стороны, надписи на нихъ изгладились совершенно. Еще сохранились камни: одинъ, замѣняющій подоковницу въ алтарѣ; на немъ уцѣлѣло слѣдующее: «преставися рабъ Божій Авфимъ;» но ни званія усопшаго, ни времени его преставленія не обозначено; другой, при входѣ въ трапезу, на немъ читаемъ: «лѣта 6100 (1592) Юля 10 преставися Пелагея Третнева.» Упомянутый нами священникъ Касаткинъ, рассказывалъ своимъ дѣтямъ, что во время постройки каменной трапезы, при рытіи ямы, для творенія извести, на глубинѣ двухъ аршинъ, найдена была большая каменная плита съ древнею надписью. Ее не тронули съ мѣста; но священнику удалось прочесть только время кончины погребеннаго — будто бы 1390 годъ. Кто знаетъ, не надгробный ли это камень Ивана Родіоновича Квашни? Много подобныхъ камней употреблено было на фундаментъ трапезы и колокольни, много такихъ, можетъ быть, скрывается еще и теперь подъ землею.

За селомъ Спаскимъ, въ разстояніи четверти версты, между молодымъ березникомъ, видно до 50 кургановъ вышиною отъ 5 до 7 аршинъ. Старожилы говорятъ, что они съ того времени, какъ *восвали Поляки*. Крестьянинъ, думая найдти кладъ, разрылъ одинъ изъ кургановъ; но вмѣсто сокровищъ, нашелъ однѣ только человѣческія кости.

На сѣверѣ въ близкомъ разстояніи отъ села Спаскаго есть покатиная возвышенность, которая слыветъ подъ названіемъ *Цариковой горы*; при скатѣ ея у рѣки Востони, по дорогѣ въ село Братцово, она принимаетъ наименованіе *Святой горы*. Почему? не сохранилось въ преданіи.

Отъ Тушина по пути къ селу Спасскому, вправо

отъ большой дороги, возлѣ высокаго и крутаго берега рѣки Востодни, былъ монастырскій скотный дворъ. Отъ него остался только рытый, въ видѣ прямоугольника, прудъ, окруженный землянымъ валомъ; прудъ и теперь еще наполненъ водою.

Въ самомъ селѣ Тушинѣ была когда-то церковь въ честь Рождества Богородицы. По преданіямъ, уже болѣе ста лѣтъ какъ она не существуетъ и храмовая икона перенесена въ приходскую Спасо-Преображенскую церковь, гдѣ она и теперь находится, какъ мы выше замѣтили, на южной стѣнѣ при входѣ изъ трапезной въ настоящую церковь. Тамъ же, гдѣ стояла прежде церковь въ Тушинѣ, на деревянномъ срубѣ, покрытомъ тесовою крышей, водруженъ ея надглавный крестъ. Сюда, по усердію прихожанъ, съ давняго времени, совершаются изъ Спасо-Преображенской церкви крестные ходы 20 Юля, 6 Августа и 8 Сентября.

Вся эта, описанная нами мѣстность, памятна въ исторіи нашего отечества временемъ *Тушинскаго вора*.

Мы передадимъ вкратцѣ эти событія. 17 Мая 1606 года въ день убійства Лжедмитрія, одинъ изъ убійцъ Федора Годунова, Михайло Молчановъ, съ двумя поляками бѣжалъ изъ Москвы къ Литовскимъ границамъ, разглашая по дорогамъ, что онъ Царь Дмитрій, спасается изъ Москвы и что вмѣсто его убили ошибкою другаго человѣка. Онъ достигъ *Самбора*, гдѣ жила мать Марины Мнишекъ и съ согласія ея продолжалъ распространять въ народѣ свою выдумку. Слухи о спасеніи Царя Дмитрія дошли до Путивльскаго воеводы князя Григорія Шаховскаго, который былъ личнымъ врагомъ Василія Ивановича Шуйскаго, возведеннаго на царскій престолъ послѣ Лжедмитрія. По влі-

янію Шаховскаго, Путивль объявилъ себя за спасеннаго Царя Дмитрія. Къ Путивлю пристали другіе сѣверскіе города.

Смуты, которые могли бы прекратиться съ уничтоженіемъ Лжедмитрія, снова захватили всю Россію. Шуйскій послалъ увѣщевать сѣверскіе города—они не слушались. Послалъ войско. Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій осадилъ Елецъ, князь Юрій Трубецкой Кромь; но подъ Кромами, Болотниковъ (*) съ 1300 человекъ разбилъ 5000 царскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Трубецкаго. Служилые люди, составлявшіе тогда царское войско, не хотѣли больше сражаться, разѣхались по домамъ и возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстное. Боярскій сынъ сотникъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ, Каширу; взбунтовалось противъ Шуйскаго и княжество Рязанское, въ главѣ бунта были воеводы Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ. Сверхъ того 20 городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Калужской и Смоленской передались на сторону новаго Самозванца. Возмутились холопы и крестьяне на восточной Украинѣ, въ странахъ приволжскихъ, въ Украинѣ сѣверской. Къ нимъ присоединились шородцы. Нижвій-Новгородъ былъ осажденъ Мордвою, холопами и крестьянами. Волненіе ко-

(*) Болотниковъ,—холопъ Черниговскаго воеводы князя Андрея Телятвенскаго, въ молодости былъ въ плѣну у турокъ. Освободившись, бѣжалъ въ Венецію, оттуда въ 1606 году пробрался въ Польшу. Здѣсь онъ представился къ Мозчанову и посланъ былъ отъ него какъ царскій повѣренный къ Шаховскому, который далъ ему начальство надъ отрядомъ войскъ. Болотниковъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сподвижниковъ новаго Самозванца и набиралъ для него войска.

судлось областей Вятской, и Пермской. Князь Хворостининъ, въ Астрахани, сталъ за Самозванца.

Но гдѣ же былъ этотъ Самозванецъ, за котораго поднимались сѣверскіе и другіе города? Молчановъ, какъ мы видѣли, былъ въ Самборѣ. Князь Шаховской, руководившій этимъ дѣломъ, послалъ изъ Тулы звать къ себѣ Молчанова. Но Молчановъ не согласился принять на себя эту роль — и князь Шаховской послалъ за другимъ Самозванцемъ, къ казакамъ, за царевичемъ Петромъ. Замѣчательно, что казакамъ въ это смутное время особенно нравились Самозванцы, и такимъ образомъ въ Астрахани объявился Царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказавшійся сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился Царевичъ Лаврентій, сказавшійся внукомъ Грознаго отъ Царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: Царевичъ Ѳеодоръ, Царевичъ Клементій, Царевичъ Савелій, Царевичъ Семенъ, Царевичъ Василій, Царевичъ Ерощка, Царевичъ Гаврилка, Царевичъ Мартынка, — все сыновья Царя Ѳедора Иоанновича.

Царевичъ Петръ, съ которымъ казаки, отправлялись въ Москву еще при жизни Лжедмитрія, узнавши о смерти его возвратились было домой, но по вызову Шаховскаго, явились съ Запорожцами въ Тулу. Здѣсь сосредоточились всѣ военныя силы Самозванца и были уже многочисленны.

Шуйскій собралъ 100000 войска и 21 Мая 1607 году выступилъ самъ изъ Москвы, предводительствуя оными. При рѣкѣ Вормсѣ онъ одержалъ побѣду и Шаховской, Болотниковъ и Лжедмитрій скрывшись въ Тулу. Царь осадилъ этотъ городъ. Осажденные, въ отчаяніи писали въ Польшу къ друзьямъ Мнишка, чтобъ поскорѣ вы-

сылали какого-нибудь самозванца Лжедмитрія. «Отъ границы до Москвы все наше», писали они, «придите и возьмите, только избавте насъ отъ Шуйскаго».

Поляки отыскали Самозванца, который въ исторіи нашей извѣстенъ подъ прозваніемъ *Тушинскаго вора*. Откуда былъ этотъ человѣкъ и кто-такой, никто не зналъ навѣрное. Ходили разные слухи; одни говорили, что онъ поповъ сынъ Матвѣй Веревкинъ изъ Сѣверской страны, другіе, что онъ поповичъ Дмитрій изъ Москвы отъ церкви Знаменія на Арбатѣ, другіе, что онъ сынъ князя Курбскаго, иные Царскій дьякъ—школьный учитель Иванъ изъ города Сокола, другіе, что онъ жидъ, иные, что онъ сынъ Стародубскаго служиллаго человѣка. Одно только вѣрно, что этотъ второй Лжедмитрій не былъ похожъ на перваго, и былъ человѣкъ грамотный, начитанъ въ Священномъ Писаніи. Иностранные писатели называютъ его, безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, способнымъ къ преступленіямъ всякаго рода, недостойнымъ носить имя даже и ложнаго государя.

Впервые онъ показался въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ былъ схваченъ какъ лазутчикъ и посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ объявилъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичъ Нагой, родственникъ убитаго на Москвѣ Царя Дмитрія, скрывается отъ Шуйскаго и просилъ, чтобъ его отослали въ Стародубъ. Просьба его была исполнена. Изъ Стародуба Самозванецъ послалъ товарища своего подъячаго Александра Рукина разглашать по Сѣверскимъ городамъ, что Царь Дмитрій живъ и въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ жители обратили вниманіе на рассказы Рукина и послали дѣтей боярскихъ въ Стародубъ удостовѣриться въ правдѣ. Минимый *Нагой* на-

чалъ отпираться. Стародубцы пригрозили ему пыткой и хотѣли уже его брать, но Самозванецъ схватилъ палку и закричалъ: Ахъ, вы... б... дѣти! еще вы меня не знаете. Я государь!» Стародубцы упали ему въ ноги и закричали: «виноваты, Государь, передъ тобою.»

Стародубцы начали давать деньги своему Государю и разсылали по другимъ городамъ грамоты, чтобъ высылали къ нимъ ратныхъ людей на помощь Царю. Самозванецъ же, съ своей стороны, посылалъ грамоты къ Литовскимъ городамъ съ просьбою о помощи: «въ первый разъ», писалъ онъ, «я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же.»

Собралась къ Самозванцу дружина, онъ поставилъ начальникомъ надъ нею поляка Мѣховецкаго. Въ концѣ Августа пришелъ къ нему изъ Литвы панъ Будзило, хорунжій Мозырскій, но дружина была еще малочисленна и Лжедмитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы, куда призывали его, какъ мы видѣли, Шаховской, Болотниковъ и Лже-Петръ.

Это замедленіе рѣшило судьбу мятежниковъ.

Муромскій боярскій сынъ Кровковъ, или Кравковъ предложилъ Шуйскому затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу—Царь согласился; тогда Кровковъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привести по мѣшку съ землею и началъ прудить рѣку; вода обступила городъ, влилась внутрь его, пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями. Насталъ голодъ и Болотниковъ съ Лже-Петромъ 10 Октября 1607 года сдались Царю съ условіемъ помилованія. Не смотря на данное Царемъ обѣщаніе, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Ша-

ховскаго сослани на Кубенское озеро въ пустынь; лже-Петра повѣсили, объ участи Телятевскаго мало извѣстно.

Шуйскій, вмѣсто того, чтобъ двинуться на Самозванца и истребить его, возвратился съ торжествомъ въ Москву.

Между тѣмъ Самозванецъ набралъ до трехъ тысячъ войска, пришелъ подъ Козельскъ и здѣсь напавъ въ расплохъ, разбилъ отрядъ царскаго войска. Потомъ къ нему присоединились изъ Кіевской Украины Волоской съ 1000 человѣками отъ князя Романа Рожинскаго, Тышкевичъ съ 1000 человѣками поляковъ, князь Впшневскій, знаменитый Лисовскій и другіе. Самозванецъ засѣлъ въ Орлѣ. Присоединились еще 3000 Запорожцевъ и 5000 Донцевъ подъ начальствомъ Заруцкаго.

Въ Маѣ 1608 года Самозванецъ взялъ Болховъ. Отсюда черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ Лжедмитрій шелъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Царь выслалъ было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова. Они расположились на рѣкѣ Незнани между Москвою и Калугою, но въ войскѣ открыли заговоръ: князя Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Троекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, хотѣли передаться Самозванцу, заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослани въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ казнили; но Царь велѣлъ войску не встрѣчать Самозванца, а идти къ Москвѣ.

1 Юня 1608 года Лжедмитрій съ войскомъ своимъ приблизился къ столицѣ и остановился надъ рѣкою

Москвою, — потомъ перешли рѣку и остановились у села Тайнинскаго, потомъ отправился на Тверскую дорогу, разбилъ здѣсь царское войско и перешелъ на Волоколамскую дорогу; здѣсь онъ наконецъ выбралъ удобное мѣсто для стана въ *Тушинѣ*, между рѣками Москвою и Восточною. Царское войско въ числѣ 70 тысячъ стояло въ это время на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ Царь съ дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ. Гетманъ Рожинской, начальствовавшій войсками Самозванца, рѣшился вступить въ Москву; напалъ на Царское войско, ночью, врасплохъ, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но тутъ бѣгущіе, подкрѣпленные полками царскими, остановились, и въ свою очередь, погнали Поляковъ вилоть до рѣки Химки; здѣсь Поляки остановились и ударили на Русскихъ, — отогнали ихъ за Ходынку, а сами возвратились въ свой *Тушинскій станъ*. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Не успѣвъ овладѣть Москвою, Самозванецъ къ зимѣ укрѣпился въ Тушинѣ; у него въ это время собралось польскаго коннаго войска 18.000, пѣхоты 2000, казакъ Запорожскихъ 13.000, Донскихъ 15.000, кромѣ Русскихъ людей, которыхъ Поляки не любили держать въ станѣ, не довѣряя имъ.

Польскихъ кушцовъ бывало иногда при Тушинѣ тысячь до трехъ, они стояли особымъ станомъ.

Къ зимѣ начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хворосту и соломы. Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами и огромные обозы по первому пути потянулись къ Тушину, — везли чего только душа хотѣла, говорятъ

одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ писателей. Потомъ наскучило жить въ землянкахъ, начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обоѣхъ у инаго было двѣ и три избы, а въ землянкахъ устроили погреба. Сюда приѣхали къ нему Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, снова промышлять Русскую Царскую Корону. Царю, царицѣ и Мнишку построили среди стана хоромы, жить имъ было просторно, и станъ Тушинской превратился въ городъ.

Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, послѣ истребленія Гришки Отрепьева, сперва находилась въ Москвѣ, потомъ была отправлена съ родственниками въ Ярославль, а отсюда, когда заключенъ былъ договоръ съ Польшею, ее и отца отпустили въ Польшу, подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда. Самозванецъ послалъ Зборовскаго перехватить ее. Зборовскій нагналъ Мнишка поды Бѣлою, разбилъ провожавшій его Московскій отрядъ и воротилъ Мнишка съ семействомъ. Но Марина не хотѣла ѣхать прямо въ Тушино, а отправилась сперва въ станъ Сапѣги и оттуда только, послѣ заключенія различныхъ условій, явилась въ Тушино и неизвѣстнаго бродягу, совершенно непохожаго даже лицомъ на Гришку Отрепьева, признала прежнимъ своимъ мужемъ, Царемъ Дмитріемъ.

Сапѣга съ Лисовскимъ отправились осаждать Троицкій монастырь.

Страшное было для Россіи время. Два Царя! одинъ въ Тушинѣ, другой въ Москвѣ. Не доставало еще другаго Патріарха, чтобы мутить болѣе Россію, Тушинской воръ и это сдѣлалъ. Въ Тушино привезенъ былъ изъ плѣну Ростовскій Митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Самозванецъ принудилъ его объявить себя Патріархомъ

Московскимъ и разсылать грамоты по своему Патриаршеству, т. е. по областямъ, признававшимъ Самозванца.

Вскорѣ начались въ Тушинѣ несогласія. Полякъ Мѣховецкій врагъ Рожинскаго, приѣхалъ въ Тушино съ видами начальствовать войскомъ. Зная вражду Рожинскаго, онъ скрывался въ домѣ Самозванца. Рожинскій явился съ своими товарищами въ домѣ и убилъ Мѣховецкаго. Самозванецъ разсердился, но Рожинскій велѣлъ ему сказать, что и ему свернетъ голову. Шатко было положеніе Самозванца между Поляками, возстановилъ онъ противъ себя и города Русскіе, ему преданныя, не сдержавъ своего обѣщанія.

Въ первое время онъ объявилъ обѣщаніе покорившимся городамъ: Царское жалованье, деньги, помѣстья, духовенству тарханныя грамоты и освобожденіе отъ всѣхъ Царскихъ податей и сборовъ. Теперь же онъ разослалъ въ каждый городъ по Поляку и Русскому съ грамотами о сборѣ разныхъ податей. Поляки (въ Ярославлѣ) врываются въ дома знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Жестокость и безнравственныя неистовства Поляковъ надъ жителями городовъ и селъ ожесточали Русскій народъ. Много пролилось крови на землѣ Русской!

И въ самой Москвѣ было неспокойно. Шуйскаго не любили и въ Февралѣ 1609 года сдѣлано было нѣсколько неудавшихся попытокъ къ сверженію его съ престола. Объ этомъ знали въ Тушинѣ подробно черезъ перебѣжчиковъ изъ Москвы, а столица спаслась только потому, что въ Тушинѣ вся зима 1608-1609 года прошла въ смутахъ, бунтахъ, что и помѣшало Самозванцу дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы.

При томъ и силы Самозванца были раздѣлены подъ Новгородомъ, подъ Троицкою лаврою, подъ Коломною, по большимъ дорогамъ къ Москвѣ. Подъ Москвою происходили стычки частыя и мѣлкія, въ одной изъ нихъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться.

Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, Тушинцы подошли было къ Москвѣ, но Царь выслалъ противъ нихъ всё свое войско съ пушками и гуляй-городами (подвижные дубовые городки на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ`отверстія). Сперва Поляки одержали побѣду, овладѣли гуляй-городками, но потомъ Москвичи отбили городки и ворвались было въ самое Тушино, но здѣсь, на Химкѣ, ихъ остановилъ Зарупкой своими Донскими казаками. Много Поляковъ было взято Москвичами, и Царь послалъ въ Тушино предложеніе Полякамъ, что онъ плѣнныхъ ихъ освободитъ, только чтобъ Поляки покинули Самозванца и вышли изъ Московскаго Государства. Поляки отвѣчали: «скорѣе помрѣмъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава.»

Между тѣмъ Шуйскій заключилъ договоръ съ Швеціею, которая обязывалась дать Царю въ помощь 2000 конницы и 3000 пѣхоты подъ начальствомъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Шведы выполнили этотъ договоръ, кромѣ 5000 наемнаго войска выставили еще около 10.000 разноплеменнаго сброда подъ начальствомъ Якова Делагарди. Царь Московскій за эту помощь обязался, между прочимъ, помогать съ своей стороны Королю Шведскому противъ Польши.

ТУШИНСКІЙ ВОРЪ.

(ОКОНЧАВІЕ.)

СЪ РИСУНКОМЪ ДРЕВНЯГО ДОМА МЪЩАНИНА
КОРОВОВА ВЪ КАЛУГЪ.

СОСТ. Г. В. ЕСПОВЫМЪ.

ДЕСЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

РУССКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ,

ИЗДАНИЕ А. МАРТЫНОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.

1863.

Составлено Целебуриной. Москва, 10-го Сентября, 1863 года

II.

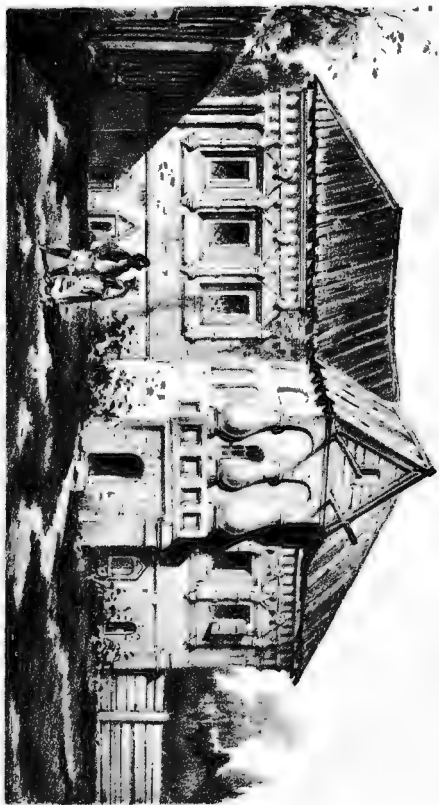
Договоръ Шуйскаго съ Швеціею возбудилъ негодованіе Польскаго короля и Сигизмундъ послалъ войско на Московское государство съ цѣлію посадить на престолъ Русскій сына своего Владислава. Онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ: Польскіе послы, возвратившись изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только показаться съ войскомъ въ предѣлахъ Московскихъ и бояре прогонятъ Шуйскаго и возведутъ на престолъ королевича Владислава.

Вступленіе Сигизмунда съ войскомъ въ Россію произвело волненіе въ Тушинѣ. Поляки видѣли, что походъ короля не въ пользу Самозванца. Гетманъ Рожинскій собралъ *Коло* и уговорилъ товарищей дать другъ другу присягу не входить съ королемъ въ переговоры и не оставлять Дмитрія. Всѣ потомъ подписали условіе и отправили къ королю пословъ Мархицкаго съ товарищами съ просьбою выдти изъ Московскаго государства и не мѣшать ихъ предпріятію.

Въ это же время и король послалъ въ Тушино своихъ пословъ уговаривать Поляковъ, что имъ лучше служить природному своему Государю, чѣмъ искателю приключеній и что они должны прежде всего заботиться о выгодахъ своего отечества и Литвы. За это обѣщались имъ богатая награда. Русскимъ король обѣщалъ охраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ и имущества и тоже награды, если они перейдутъ къ нему. Тушинское посольство имѣло неудачу передъ королемъ и возвратилось. Вскорѣ послѣ нихъ пріѣхали въ Тушино и послы королевскіе. Переговоры сопровождались сильнымъ волненіемъ. Самозванецъ былъ въ это время въ самомъ

унизительномъ положеніи. Поляки ругались надъ нимъ, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Онъ пытался было бѣжать изъ Тушина съ русскими приверженцами, но Рожинскій догналъ его на дорогѣ, и привезъ назадъ въ Тушино, гдѣ и держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Одинъ разъ, 27 Декабря 1609 года, Лжедмитрій рѣшился спросить у Рожинскаго: о чемъ идутъ переговоры съ Королевскими послами? Тотъ въ нетрезвомъ видѣ отвѣчалъ ему: «а тебѣ что за дѣло, за чѣмъ комиссары пріѣхали ко мнѣ? чортъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» При этомъ Рожинскій грозилъ ему даже побоями.

Въ тотъ же день (27 Декабря) ночью, Лжедмитрій рѣшился покинуть Тушино. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ, онъ отправился въ Калугу съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Онъ остановился въ монастырѣ близъ Калуги, и послалъ къ жителямъ города нѣсколькихъ монаховъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Поганый король (Польскій) неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскимъ своею собственностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить этого требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая, то Сигизмундъ задумалъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, находящихся въ моемъ станѣ. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не толь-

ко Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православиую: не дадимъ только торжествовать ереси: не уступимъ королю ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города или княжества!» (*)

Жители Калуги явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, приняли Димитрія въ городъ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, что нынѣ мѣщанина Коробова (см. рисунокъ) и окружили его царскою пышностію.

Послѣ его отъѣзда, въ Тушинѣ, Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскимъ войскомъ, обязываясь взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему Царю, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Послали съ переговорами къ Королю Сигизмунду.

31 Января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинецовъ были торжественно представлены Королю, а 4 Февраля подписали постыдныя условія о 18 пунктахъ—о возведеніи Царевича Владислава на престолъ Царства Русскаго, а пока о повиновеніи наисиѣйшему Королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу. Что же дѣлала Марина?

Послѣ отъѣзда Самозванца, она пыталась просить у польскихъ начальниковъ войскъ, позволенія ѣхать къ мужу. Ей лично не отказали, но запретили кому бы то ни было сопровождать ее, — она просилась въ Можайскъ, чтобъ ждать тамъ королевскаго пріѣзда, и въ этомъ отказали. Тогда она рѣшилась на поступокъ странный, но объясняемый ея страшною

(*) Русс. Худ. лист. В. Тимма. 1860 г. стр. 98.

природою: блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами, явилась среди рыцарства и ходя изъ ставки въ ставку убѣждала не покидать ея мужа. Смятеніе въ Тушинскомъ станѣ, возбужденное удаленіемъ Лжедмитрія, усилилось еще болѣе: жолнеры кричали, что королевскіе послы обманули ихъ, удаливъ Дмитрія, что теперь уже не отъ кого ожидать имъ награды за служенной. Донскіе казаки подъ предводительствомъ Трубецкаго и Засѣкина отправились къ Калугѣ, не слушая Атамана Заруцкаго. Но Польскіе старшины бросились за казаками въ погоню, настигли ихъ и разбили на голову, а рыцарство свое удержали въ повиновеніи. Маринѣ не оставалось болѣе ничего, какъ покинуть Тушино. 11 февраля 1610 года она убѣжала изъ лагеря, верхомъ, въ гусарскомъ платьѣ, въ сопровожденіи служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ. Въ монастырѣ Юсифа Волоколамскаго она встрѣтилась съ братомъ, уѣхавшимъ за нею изъ Тушина и здѣсь она призналась ему, что была тайно обвинена съ *Цирикомъ*. Они пробрались въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ; но видя, что и его положеніе не безопасно (Сапѣга былъ осажденъ значительнымъ отрядомъ, принадлежавшимъ къ войскамъ Скопина-Шуйскаго и едва отбивался отъ нападеній непріятеля), Марина отправилась въ Калугу къ Самозванцу. Она ѣхала попеременно то въ саняхъ, то верхомъ, переодѣтая въ мужскомъ польскомъ кафтанѣ изъ краснаго бархату, вооруженная пистолетами и саблею. Проскакавъ 48 вѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени и назвала себя Дмитріевымъ Каморникомъ, (*) привезшимъ важное из-

(*) Каморникъ, — спальникъ, черложникъ, постельщикъ.

вѣстіе, котораго никому, кромѣ Царя, сообщить не можетъ. Лже-Димитрій тотчасъ догадался, велѣлъ казакамъ отворить городскія ворота и впустить мнимаго Каморника. Марина, подѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня и всѣ увидѣли Царицу! Пріѣздъ ея произвелъ радость неизъяснимую между приверженцами Самозванца. При Маринѣ пріѣхала только одна Поляка, старая панья Казановская; въ Калугѣ Марина «учредила при себѣ новый штабъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.» (*)

Рожинскій, послѣ бѣгства Марины, уговаривалъ короля поскорѣе прибыть въ Тушино, но король не двигался изъ подъ Смоленска и не высылалъ въ Тушино никого для переговоровъ. Рожинскій, узнавъ о приближеніи Русскихъ съ Скопинымъ-Шуйскимъ, въ первыхъ числахъ марта 1610 года, оставилъ съ Поляками Тушино и перешелъ къ Волоколамскому монастырю. Выходя онъ съесть станъ. Русскіе Тушинцы не пошли за Рожинскимъ, а поѣхали съ повинными, кто въ Москву, кто въ Калугу.

Такъ исчезло это разбойничье гнѣздо, стоявшее Россіи столько бѣдствій и крови!

4 Апрѣля 1610 года Рожинскій умеръ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Оставшіеся Поляки были выгнаны 21 мая изъ монастыря Русскими войсками и въ это время Русскіе освободили изъ плѣна Ростовскаго Митрополита Филарета Никитича Романова. Онъ возвратился въ Москву.

Самозванецъ пріѣхалъ въ Калугу, былъ принятъ съ хлѣбомъ и солью и окруженъ царскою пышностію; сюда

(*) См. Русс. Худ. лист. В. Тимма 1860 г. стр. 95.

къ нему присоединились князь Шаховской изъ Царева-Займища съ казаками. Съ Тушинскими бѣглецами-Польками его войско усилилось до 6,200 человекъ.

Узнавъ о страшной смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, о томъ, что въ Москвѣ нѣкоторые склонны къ нему, Царю Калужскому, болѣе нежели къ Владиславу, котораго отецъ не отпускалъ еще въ Россію, онъ двинулся къ Москвѣ и остановился у села Коломенскаго.

Тогда начались въ Москвѣ смуты и волненія небывалыя. Служилые люди вели переговоры съ полкомъ Тушинскаго вора и условивались, что Тушинцы отстанутъ отъ своего *Царика*, а Москвичи сведутъ съ престола своего Царя, и возведутъ на престолъ Царевича Владислава. Согласились.

Москвичи исполнили свое слово — свергнули Шуйскаго, но Тушинцы обманули и отвѣчали съ насмѣшкою: «Вы не помните Государева Крестнаго цѣлованія, потому что Царя съ царства ссадили, а мы за своего помереть ради.»

Тяжело было положеніе Русскаго царства: Польскій король подъ Смоленскомъ, Гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а Тушинской воръ въ Коломенскомъ. Лучшимъ Русскимъ Московскимъ людямъ не хотѣлось ни покориться вору, ни разорить Православную Христіанскую вѣру царемъ латинскимъ. Имѣли они въ виду и своихъ двухъ кандидатовъ на Царскій престолъ: Князя Василія Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына Митрополита Филарета Никитича, но обстоятельства заставили Москву измѣнить этимъ задушевнымъ желаніямъ, притомъ и нѣкогда было созывать соборъ для выбора Царя всею землею;

приходилось выбрать или Владислава, или Тушинскаго вора. У Самозванца были приверженцы въ нижнихъ слояхъ, но бояре и лучшіе люди предвидѣли, что воръ съ своими казаками и *шпынями* городскими, не пощадитъ ихъ имѣній, разграбитъ ихъ, и бояре и лучшіе люди рѣшили призвать на царство Владислава. Образовались двѣ партіи: Захаръ Ляпуновъ былъ на сторонѣ Ажедмитрія и хотѣлъ впустить Самозванцево войско въ Москву. Мстиславскій былъ на сторонѣ Владислава и послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобъ онъ шелъ немедленно въ столицу. Въ одно время и Самозванецъ и Жолкѣвскій подходили къ Москвѣ; но первый былъ отбитъ 24 іюля Мстиславскимъ. Жолкѣвскій въ этотъ день уже стоялъ въ семи верстахъ отъ Москвы на лугахъ Хорошевскихъ. Начались переговоры: Жолкѣвскій обѣщался прогнать Самозванца. 27 августа на половинѣ дороги отъ польскаго стана къ Москвѣ, Московскіе жители присягнули Владиславу, на другой день присягали въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи Патріарха. Жолкѣвскій черезъ Сапѣгу предложилъ Самозванцу изъявить покорность Сигизмунду и въ такомъ случаѣ обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ, или Гродно въ кормленіе. Самозванецъ, или, лучше сказать, жена его Марина, находившаяся тогда съ нимъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣла слышать ни объ какихъ условіяхъ. Марина отвѣчала гордо: пусть его величество король уступить его величеству Царю Краковъ, тогда его величество Царь отдастъ королю Москву.» Жолкѣвскій составилъ планъ захватить въ расплохъ Самозванца въ монастырѣ; но Самозванцу приверженцы его Московскіе дали знать своевременно объ этомъ и онъ успѣлъ бѣжать съ женою въ Калугу.

Здѣсь онъ былъ убитъ крещенымъ Татаринномъ Петромъ Урусовымъ 11 Декабря 1610 года, изъ мести за казнь Самозванцемъ Касимовскаго царя, обвиненнаго передъ нимъ собственнымъ сыномъ въ желаніи вернуться къ Сигизмунду.

Марина, узнавъ о страшномъ убійствѣ своего мужа, бросилась по городу съ рыданіями и воплями, требуя мести за Дмитрія. Донскіе казаки кинулись на Татаръ и перерѣзали до 200 человекъ. Но за тѣмъ Калужане приняли присягу Владиславу, а Маршу взяли подъ стражу. Сапѣга двинулся къ Калугѣ и предложилъ переговоры; въ это время, 20 Декабря 1710 года, какой-то крестьянинъ принесъ ему письмо отъ Марины, она писала: «Освободите, ради Бога, освободите. Мнѣ даютъ жить только двѣ недѣли. Вы славны, будьте еще славнѣе, спасая несчастную; милость Божія будетъ вамъ вѣчно наградою.» Но Сапѣга простоялъ еще день подъ Калугою и отошелъ назадъ. (*)

Вскорѣ опасное положеніе Марины миновалось. У нея родился сынъ Иванъ; она, изъ честолюбивыхъ замысловъ, измѣнила своей вѣрѣ и крестила его по обрядамъ Православной Церкви. У Калужанъ явился такимъ образомъ свой Царевичъ, православный Царевичъ, и во главѣ новыхъ его приверженцевъ и Марины сталъ Атаманомъ Донскихъ казаковъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. Въ 1611 году Заруцкій вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и княземъ Трубецкимъ былъ во главѣ ополченія, собиравшагося противъ Поляковъ, которые жгли Москву и неистовствовали въ нашемъ отечествѣ

(*) Статя г. Попова изъ жизни Марины Мишестъ, Моск. Вѣд. 1857 г. № 106.

въ это страшное, смутное время. Но это ополченіе не состоялось, потому что казаки и вольница, которыми руководилъ Заруцкій, не думали объ общемъ дѣлѣ спасенія отечества, а только о своихъ выгодахъ, грабили и раззоряли по городамъ и областямъ. Въ 1612 году составилось второе ополченіе подъ начальствомъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и когда оно шло къ Москвѣ, Заруцкій, недождавшись прихода его, изъ Коломны, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ бѣжалъ, разгромивъ городъ, въ Рязанскую область. Черезъ Михайловъ, Переяславль, Заруцкій перешелъ въ Дѣдиловъ, Епифань, Крапивну, Чернь, Ливны, Лебедянь и другіе Украинскіе города, убивая воеводъ, сожигая города.

Въ началѣ 1613 года Москва освобождена отъ поляковъ и на царство избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Тогда послали противъ Заруцкаго и Марины Суздальское, Тульское, Рязанское и Влдимірское ополченія. Казаки Заруцкаго, услышавъ объ избраніи на престолъ царя Михаила, толпами оставляли его и отъѣзжали въ Москву. Заруцкій съ Мариною и съ оставшимися при немъ казаками направился къ Воронежу. Здѣсь настигли его царскіе воеводы. Послѣ кроваваго сраженія, Заруцкій отбился отъ Московскаго ополченія, и потерявъ обозъ и знамена, бросился за Донъ къ Астрахани, овладѣлъ ею съ помощію Нагайскихъ татаръ, и провелъ тамъ зиму, не тревожимый царскими войсками.

Въ Астрахани Заруцкій распоряжался съ жестокостію какъ разбойникъ: умертвилъ воеводу князя Ивана Дмитриевича Хворостинина; многихъ добрыхъ людей, священниковъ, монаховъ казнилъ и «сажалъ въ воду», имущество ихъ грабилъ; изъ серебрянаго кадила, взятаго

нимъ въ Троицкомъ монастырѣ, сдѣлалъ себѣ стремяна; своимъ сотоварищамъ, служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, раздавалъ житницы, лавки и амбары въ гостинномъ дворѣ, лѣсъ, приготовленный для строенія судовъ. Марина жила здѣсь же и рассказывали, что она не велитъ въ колокола къ заутрени рано благовѣстить и звонить, «отъ звону де сынъ полашается». Заруцкій сносился съ Персидскимъ Шахомъ, общая ему отдать низовье Волги, сносился съ кавказскими князьями, съ турецкими властями въ Азовѣ; взялъ у Нагайскаго князя Иштерека и его мурзъ амаатовъ, а въ замѣнъ далъ имъ женъ и дѣтей тѣхъ Астраханскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и жилацкихъ людей, которые служили царю. Нагайцы условились съ нимъ идти весною по Волгѣ подъ Самарской и подъ Казань. Заруцкій надѣялся, что пока еще соберутся Московскіе люди противу него, онъ успеетъ и Самару взять и надъ Казанью «промысль учинить». Онъ полагался на приверженцевъ Астраханцевъ, но между ними уже много было недовольныхъ и враговъ, какъ за его жестокость, такъ и по убѣжденію царскихъ грамотъ, изъ Москвы разосланныхъ въ мартѣ 1613 года.

На вербной недѣлѣ пришли къ Заруцкому Волжскіе казаки, около 500 человекъ, взяли у него жалованье и стали на Яру. Заруцкій, съ помощію ихъ, хотѣлъ перебить Астраханскихъ служилыхъ людей и жителей, не оказывавшихъ особенной преданности дѣлу, для этого онъ хотѣлъ выслать семсотъ человекъ служилыхъ людей Астраханскихъ на море, а триста человекъ въ Карабазу, а остальныхъ, въ заутрению на Свѣтлое Воскресенье убить и утопить, а имущество ихъ разграбить. Узнали объ этомъ Астраханскіе жи-

тели и на Страстной недѣлѣ въ среду въ городѣ завязался бой. У Заруцкаго было всего восемьсотъ чело-вѣкъ, Астраханцевъ насчитывалось до трехъ тысячъ. Но Заруцкій засѣлъ въ каменномъ городѣ и громилъ Астраханцевъ въ посадѣ; на помощь къ послѣднимъ пришли Терскіе служилые люди съ Стрѣлецкимъ головою Василиемъ Хохловымъ, а вскорѣ ожидали прибытія царскихъ воеводъ; Заруцкій не дождался ихъ, выбѣжалъ изъ городу 12 Мая, ночью, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, и сталъ вверхъ по Волгѣ на Нагайской сторонѣ. 14 Мая Заруцкій съ своими товарищами и съ Мариною побѣжалъ Волгою къ морю; когда струи его поравнялись съ городомъ, то Хохловъ напалъ на него, побилъ много казаковъ, многихъ взялъ въ плѣнъ, въ числѣ послѣднихъ попалась панья Казаповская та самая, которая, какъ мы видѣли выше, сопровождала Марину изъ лагеря Сапѣги въ Калугу. Вскорѣ Заруцкій повернулъ опять вверхъ въ мелкія притоки Волги въ гребныхъ стругахъ съ своими приверженцами Волжскими казаками.

1 Юня царскіе воеводы прибыли въ Астрахань и немедленно послали въ погоню за Заруцкимъ стрѣльцовъ и казаковъ въ разныя стороны. 24 Юня стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Онучинъ настигли бѣглецовъ на Янкѣ въ Медвѣжь городкѣ; осажденные въ этомъ городкѣ казаки 25 Юня сдались стрѣлецкимъ головамъ и приняли присягу Царю Михаилу Феодоровичу, а «вора Пвашку Заруцкаго и Маришку и сына ея Пвашка» выдали Пальчикову и Онучину. 6 Юля плѣнныхъ привезли въ Астрахань, а 13 отправили въ Казань; для охраненія Марины съ сыномъ назначено было 600 стрѣльцовъ, а для охраненія Заруцкаго 230. Велѣно

было: «везти Марину съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго съ великимъ бережемъ, скованныхъ, и по станомъ ставиться усторожливо, чтобъ на ѣзнихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли. А будетъ на нихъ прійдутъ откуда воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и противъ ихъ стояти и надъ ними промышляти, сколько милосердый Богъ помощи подаетъ; а будетъ части тѣ воровскіе люди будутъ имъ сильны, и Марину съ в. . . и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, что-бы ихъ воры живыхъ не отняли.» (*)

Въ Москвѣ Заруцкій былъ посаженъ на колъ, а сына Марини повѣсили. Объ ея же собственной участи сохранилось только извѣстіе лѣтописца «а Марина умре на Москвѣ.» (**)

Такъ кончилась судьба Марини Мишкевъ, этой обыкновенной женщины, у которой всѣ душевныя силы, вся дѣятельность жизни направлены были къ одной цѣли: возвратиться на Царскій престолъ, на который она посажена была первымъ ея мужемъ, первымъ Іжедимитріемъ, Гришкою Отрепьевымъ. Второй ея мужъ, Тушинской воръ, оставилъ по себѣ тяжелую память въ нашей отечественной исторіи, а тамъ, гдѣ съ Поляками онъ стоялъ подъ Москвою обширнымъ станомъ, откуда посылалъ грамоты народу Русскому, гдѣ былъ цѣлый городъ, куда пріѣзжали до трехъ тысячъ польскихъ купцовъ, гдѣ ликовали Поляки на деньги Русскія—тамъ зеленѣютъ теперь поля крестьянскія, безмолвствуетъ сельская тишина, и бороздитъ спокойно

(*) Акты Истор. Т. 3. № 36.

(**) Лѣтопись о многихъ мятежахъ стр. 285. Никои.

ч. VIII.

стр. 213.

плугъ хлѣбопашца ту землю, гдѣ такъ много пролито крови Русской. Осталась только часть вала, которая окружала станъ *Тушинскаго вора*. Тамъ же на лугу, за Москвою рѣкой, преданіе говоритъ, раскинуты были шатры Литовскіе, и луга сохранили прозваніе «Литвинова луга». Не далеко отъ монастырскаго пруда, на берегу рѣки Восточна противъ возвышенности, гдѣ былъ расположенъ Тушинской лагерь, одинокой, едва зеленѣющій стоитъ старый дубъ; не одно столѣтіе прожилъ онъ, вершина его засохла и какъ бы въ щепкахъ, снизу отъ земли широкое душло проходить до самой вершины. Можетъ быть онъ былъ свидѣтель того страшнаго времени, когда около него кипѣли толпы нашихъ враговъ пришельцевъ-Поляковъ, раздавались и пѣсни ликующаго рыцарства, громъ пушекъ, стонъ умирающихъ; подъ тѣнистыми вѣтвями его лилась кровь Русскихъ, а теперь разбитый грозою, полуживой, онъ даже не приносятъ тѣни и пастуху деревенскому; все кругомъ тихо, воображеніе рисуетъ въ туманѣ стѣны, башни Тушинскаго стана, зданія, палатки, предъ глазами являются призраки и Польскихъ рыцарей и русскихъ измѣнниковъ отечеству. сподвижниковъ самозванцу, тутъ и Московскіе люди, бѣжавшіе отъ Шуйскаго, и удалые казаки и весь сбродъ съ Приволжья и Украйны. Жизнь и страсти въ полномъ разгарѣ. Тамъ, за извилистою Москвою рѣкою бѣлокаменная Москва, сердце Россіи, ея могущество, ея сила, на нее вооружились всѣ эти полчища, она сокровище, которымъ постоянно хочется владѣть Полякамъ и поработить землю Русскую. Призраки лезежаютъ. Передъ глазами тоже Тушино и Спасское, но они манятъ глазъ своими зеленѣющими полями и лугами, спокойно живутъ поселяне подъ покровомъ

Божимъ, подъ защитою законнаго Православнаго Царя-Освободителя и памяти между ними о тушинскомъ ворѣ не осталось. Гора, гдѣ онъ стоялъ и теперь гора Царикова.

Село Тушино и Спасское до 1764 г. принадлежали Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, но въ этомъ году при отобраніи монастырскихъ имѣній по всей Россіи въ казну, поступило въ завѣдываніе коллегіи экономіи. Въ настоящее время они состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о церкви бывшаго Спасо-Преображенскаго монастыря, въ послѣдствіи приходской села Спасскаго, сообщены намъ А. П. Касаткинымъ. Историческія свѣдѣнія о Тушинскомъ ворѣ извлечены преимущественно изъ Исторіи Россіи Соловьева т. 8., изъ Смутаго Времени Бутурлина, изъ статьи г. Попова въ Моск. Вѣд. 1857 г., изъ Русскаго Худож. Листка, В. Тимма. 1860 г. и изъ другихъ источниковъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ РУССКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ въ 1864 году.

Десятымъ выпускомъ окончивается первый томъ Русскихъ достопамятностей. Въ теченіе 1864 года выйдетъ второй томъ этого изданія, который также, какъ и первый, будетъ состоять изъ десяти выпусковъ съ рисунками при каждомъ. Цѣна каждаго выпуска назначена будетъ на оберткѣ, всѣ же десять выпусковъ стоятъ будутъ три рубли серебромъ. Приготовлены къ печатанію слѣдующія статьи: Палеостровской монастырь въ Олонецкой губер., соч. *Г. В. Есипова*, Красная площадь въ Москвѣ, соч. *И. М. Спегирева*, Потѣшный дворъ въ Москвѣ, соч. *Г. В. Есипова*, Семейство Соковинныхъ, соч. *И. И. Мельникова*, Цесаревна Анна Петровна соч. *И. Н. Петрова* и другія статьи извѣстныхъ писателей по части Отечественной Исторіи и Древностей

А. Мартыновъ.
